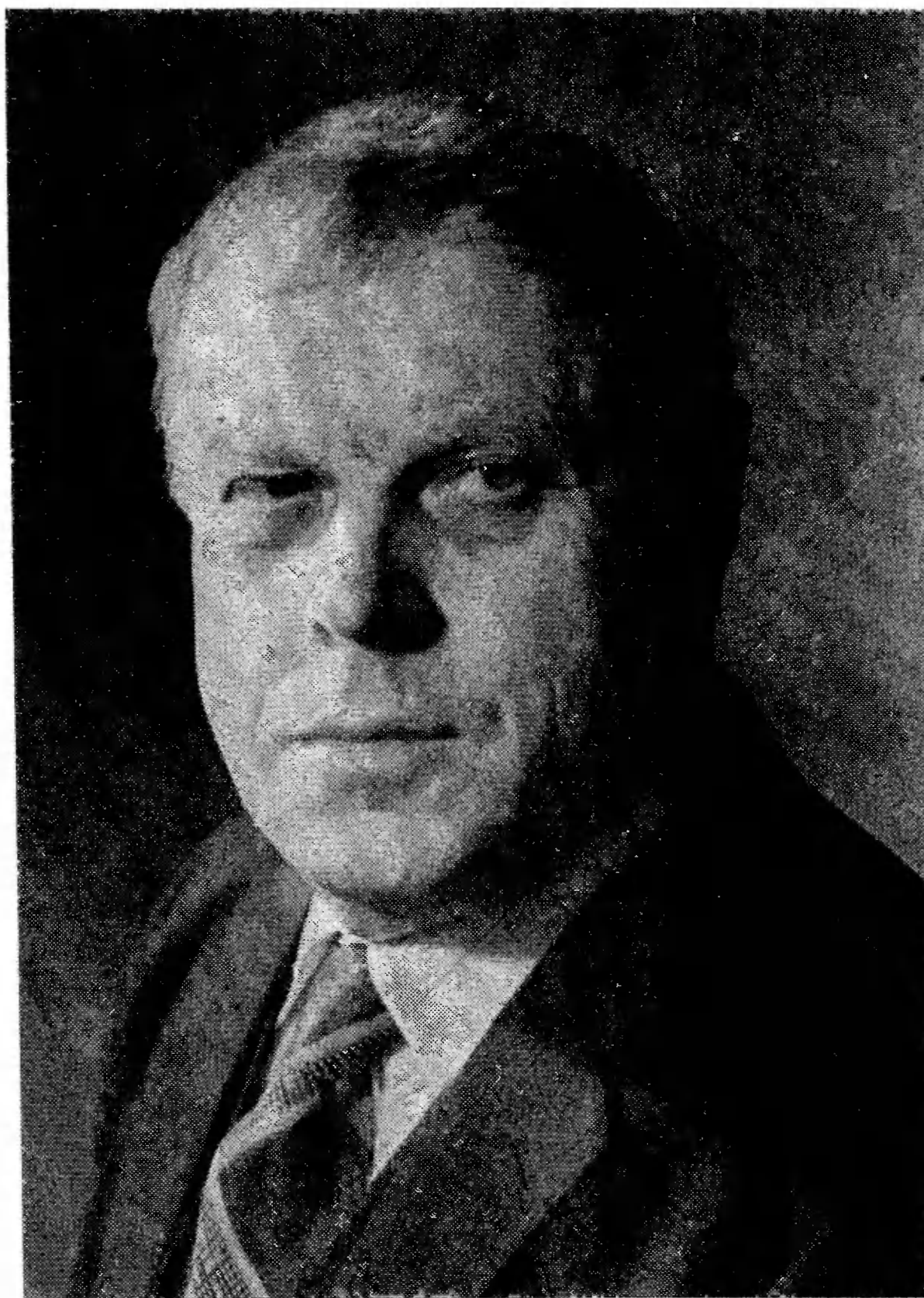




Владимир Алексеевич Солоухин родился в 1924 году в селе Алепине Владимирской области, в крестьянской семье. Еще в школе начал писать стихи. Первые публикации в центральной печати относятся к 1946 году. В этом же году поступил в Литературный институт имени М. Горького. После окончания института работал в «Огоньке» (корреспондент-очеркист) и в «Литературной газете» (член редколлегии).

Первый сборник стихотворений «Дождь в степи» издан в 1953 году издательством «Молодая гвардия». Основные книги стихов, вышедшие к настоящему времени: «Как выпить солнце», «Аргумент», «Седина», книги рассказов и очерков: «Свидание в Вязниках», «Олепинские пруды», «Зимний день», «Письма из Русского музея», «Черные доски», «Время собирать камни», «Третья охота», «Трава», «Продолжение времени» и другие. Широко известны его лирические повести «Владимирские проселки» и «Капля росы», романы «Мать-мачеха», «Приговор».

Одним из первых русских писателей заговорил в своих книгах об ужасающем положении русской деревни и русского крестьянина, о гибели памятников русской культуры и о необходимости их спасения.

Владимир Солоухин — лауреат Государственной премии РСФСР.

В 1975 году в Польше за книгу «Встреча с иконами» Вл. Солоухину была присуждена премия имени Володжимера Петшаки.

Многие его книги переведены на языки народов СССР и на иностранные языки.

РОМАН-10

НАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ

МОСКВА

ГАЗЕТА

(1160)·1991

Основана в 1927 г

Владимир Солоухин

СМЕХ ЗА ЛЕВЫМ ПЛЕЧОМ

Ни в среде, ни в наследственности не могу нащупать тайный прибор, оттиснувший в начале моей жизни тот неповторимый водяной знак, который сам различаю, только подняв его на свет искусства.

В л Набоков

1

— В конце концов, из хаоса, называемого прогрессом, можно выделить три основные линии.

— Не слишком ли упростим?

...Место на земле, по которому мы шли, а точнее сказать, прогуливались, располагало к неторопливому разговору. Это был парк бывшего княжеского имения, а теперь профсоюзного дома отдыха. Но, конечно, это обстоятельство не имело никакого значения для направленности нашего разговора. Точно так же мы могли бы идти по полевой тропинке, по дороге в диком лесу или по «царской тропе» в Ливадии.

Но все же ради точности надо сказать, что это было в парке профсоюзного дома отдыха (в бывшем княжеском парке) в тихий февральский день.

Да, был тот самый день февраля, в какой, наверное, навсегда и закрепилось за этим месяцем народное прозвание – февраль-бокогрей. Воздух был тих, свеж и холоден. Здесь у нас, на земле, внизу — где деревья, кусты и снег, — весь воздух был составлен из сложнейшего, не поддающегося никакому геометрическому учету взаимопересечения и взаимопроникновения голубых и золотистых объемов. Объемы, наполненные солнечным светом, все как один были золотистые, а объемы, наполненные тенью, голубыми, синеватыми и даже, при особой концентрации тени, — темно-синими. Кусты сирени держали снег на своих ветках. Каждый ком снега на ветке был наполовину золотой, а наполовину синий. И каждая тень от

ветки на снег или на другую ветку, и тень от снежного комка на другой снежный комок, и пустое пространство между снегом и ветками — все это представляло собою такое сложное взаимодействие голубого и золотистого, что, право же, ни один геометр не мог бы этот мир, этот праздник света разъять и разложить на его простейшие составные части: конусы, шары, овалы, кубики, параллелепипеды, трапеции и квадраты... Только красногрудые снегири, снующие и порхающие в сине-золотистых пластах и объемах, разнообразили и нарушали наши чисто геометрические ассоциации. Только гораздо выше кустов и деревьев мир выравнивался в световом отношении, всякие пересечения света исчезали, сливаясь в ровную, беспредельную синеву с четко очерченным солнцем среди нее. Я потрогал ладонью свою левую щеку и узнал, что она холодная, на правой же щеке ладонь услышала тепло, не мое, не телесное и кровавое, но лежащее на щеке нежным (золотистым?) слоем вселенское, солнечное тепло.

Февраль-бокогрей. Воздух тих, светел и холоден, снег хрустит, а с обреза крыши, обращенного к солнцу, редко, прозрачно капает. Зарождаются и растут сосульки.

Итак:

— Не слишком ли упростим? — возразил мне мой действительный ли, мнимый ли собеседник. Потому что как будто не мог я и один идти по длинной аллее бывшего княжеского парка в февральском сиянии золотого и синего, и возражать самому себе, и соглашаться с самим собой.

— Да, вот именно, не слишком ли упростим, выделяя из всей сложности так называемого прогресса три основные линии? От пещеры до Версаля, а от Версаля до стеклянных небоскребов, до вилл, коттеджей, особняков с горячей водой, телевизорами, холодильниками, калориферами, домашними барами, удобнейшими постелями, электрическими кухнями, специальными автоматами для производства льда, со стенами, раздвигающимися от нажатия кнопки, и гаражами, вмонтированными в само здание... А там еще от мазурки до твиста, от живого течения философских истин до окостенелых догм, от Дюрера и Веласкеса до измятых консервных банок, прикрепляемых к холсту и выдаваемых за живописное искусство, от арбалета до межконтинентальных ракет, от рыцарского копья до луча лазера, от бумажного змея до мягкой посадки на Луне, от жировых коп

равно эти звери сильнее людей, бегают быстрее, прыгают выше и дальше нас. Много-много чего мы достигнем на пути физического развития, так это приблизимся к нашим четвероногим сожителям. Посмотрите на кошку. Она легко вспрыгивает на комод, который выше ее роста во много раз. Ведь не вспрыгнет же человек одним прыжком на крышу двухэтажного дома! Она грациозна, молниеносна, ловка. Она совершенна с точки зрения мышечного устройства. Я видел, как маленький паучок спускался с ветки высокого дерева, все выпуская и выпуская из себя паутинку. Это все равно, как если бы человек спускался с облака. Но когда паучок уже почти достиг земли и травы, ему что-то не понравилось, и он, теперь уже убирая паутинку, быстро поднялся опять. Каково? А белка, перепрыгивающая с дерева на дерево так, как если бы человек перепрыгнул с одного дома на другой через городскую площадь... Нет, идя по первой линии, человек культивирует и улучшает в себе чисто физические, чисто животные качества: силу мышц, их эластичность, их выносливость. Я не говорю, что это плохо. И слово «животное» я употребляю в хорошем смысле этого слова, а не в том, когда говорят про пьяного или примитивного человека: «Ну ты, животное!» Пусть люди будут сильны, ловки, выносливы и грациозны, как звери, пусть. Есть ведь и еще две линии одновременного и сложного развития человека, которых животные лишены.

— И куда же ведет вторая?

— К дьяволу. К сатане. Не к тому конкретному дьяволу, разумеется, который поджаривает грешников на сковородке и кипятит их в котле, а к тому условному, умозрительному дьяволу, который в сознании человека (человечества) существует как воплощение и олицетворение зла. Да, если бы все зло мира могло воплотиться в живое существо, мохнатое и с рожками, то это существо хохотало бы и потирало руки, глядя, как мы, попав в его хитрую ловушку, лезем в нее все дальше и дальше. Особенно оно хохочет, когда мы это все более глубокое залезание в ловушку называем прогрессом. Да, оно хохочет, и надобно быть совершенно глухим (духовно), чтобы не слышать этого жуткого сатанинского хохота.

— Но блага, которые принесла нам цивилизация, они ведь бесспорны...

кие искусственные скорости, постоянная спешка, гонка, нервы, а отсюда — болезни и болезни...

Один германский ученый так сформулировал эту мысль:

«Беспрерывно убыстряющийся технический и промышленный прогресс должен быть оплачен постоянно усиливающимся человеческим регрессом, оскудением гуманного начала».

Статья Иоахима Бедемора, откуда взяты эти слова, напечатана в «Литературной газете» 5 марта 1969 года. Можете прочитать.

Заманчиво, конечно, побывать на другом конце страны, земли, на другом континенте за два, за четыре часа, за восемь часов. Но это если есть необходимость мчаться туда сломя голову. Необходимость же эта мнимая, человек породил ее сам, вернее, она порождена, возникает перед ним помимо его воли и сознания как результат его движения по второй линии.

И вот еще что. Марко Поло, Афанасий Никитин, Крашенинников, Чехов, Гончаров, Чарльз Дарвин, Крамзин, Миклухо-Маклай (не будем продолжать списка) совершили каждый в свое время далекие многомесячные и многолетние путешествия соответственно в Китай, в Индию, на Камчатку, на Сахалин, на фрегате «Паллада», на корабле «Бигль», в Париж, к папусам. Каждый из них написал по интересной книге. Мы же, слетав за несколько часов в Якутию, в Хабаровск, даже в Америку, не можем выжать из себя простой газетной заметки.

Не в заметке, конечно, дело, а в том, что они при их примитивных способах передвижения не были менее счастливы, чем мы. Или — можно сказать и так — мы несколько не счастливее их.

А если это так, то где же прогресс? Какой же это прогресс? Только тот прогресс я считал бы истинным, который увеличивает на земле общее количество счастья. Или хотя бы уменьшает общее количество зла.

Зададим сами себе прямой вопрос: растет или не растет на земле зло? Мы будем вынуждены ответить, что растет. Если взять пятьдесят лет двадцатого века и подсчитать, сколько человек за эти полвека умерли насильственной смертью, и взять любые другие пятьдесят лет человеческой истории, то ни в абсолютных цифрах, ни в процентах наше время не найдет себе равного. Один какой-нибудь калужский или тамбовский отдел ОГПУ уничтожил людей

подвыпившей гурьбой нам навстречу, наверное, строительные рабочие из соседнего городка.

Возьмем одного из них и рассмотрим его. Установили, что спортом не занимается, а если и занимается (катаясь, например, на лыжах), то в пределах установленных норм, а вовсе не двигая вперед человеческие мышечные возможности. Технический прогресс он тоже не двигает. Он, конечно, невольно и бессознательно участвует в нем, так же, как, скажем, токарь, или электрик, или водопроводчик, но ничего нового не придумал, не изобрел и вперед технический прогресс не продвинул. Оставалась бы ему третья линия, но он и об этом совсем не думает. Играет в домино, выпивает, смотрит хоккей по телевизору. Зачем же он? Откуда он взялся и зачем? Какой замысел вложен в сам факт его существования?

Согласимся, что все-таки труднее всего такому отдельному, конкретному человеку увильнуть от второй линии. Мускулатуру свою можешь не тренировать, о нравственности не думать, но что-нибудь делать ты должен. Быть шофером, сварщиком, трактористом, продавцом, директором завода, конструктором... Конечно, как мы уже говорили, средний специалист непосредственно сам технического прогресса вперед не двигает, но он все же — та почва, из которой все растет, и то основание, на которое все опирается.

— Но неужели нет никакого другого смысла в появлении человека на свет, в его пребывании на земле и в самой его жизни? Зачем ему даны его личные переживания: горести, радости, обиды, поражения и победы? *Зачем он еще и обособленная, самостоятельная личность?* Нет, что ни говорите, если есть обособленная ото всех, совершенно самостоятельная, абсолютно не взаимозаменяемая личность, значит, должно быть у нее и свое назначение, своя функция, свой смысл кроме общественной функции — быть частицей современной цивилизации. Легче предположить, что личность лишь вынуждена быть составной частицей общества, потому что куда же денешься, если невольно оказался в сонме себе подобных? Но цель-то, возможно, была своя?

Вот мы все — ад да ад! А я слышал легенду, что земля наша и есть не что иное как ад, куда посылаются души...

— Откуда?

— Ну... из какого-то другого, верхнего, или, по более современному, параллельного, мира... Да... так вот, на землю будто бы посы

лельном мире, непрерывно и бурно пополняются. Мало кто сейчас выбирает добро и свет.

— Ничего не известно. Разве мы знаем, как итжит свою жизнь каждый человек за пять минут, за минуту, за мгновение до смерти, наконец, в самое мгновение смерти? Выбор может состояться в последний миг. Но выбора не состоялось бы, если бы этому мигу не предшествовали бурные и страстные десятилетия жизни.

— Послушайте! Теорию вашу, условную и метафизическую, мы отбросим. Но если просто взять ее как мерку, как аршин, и подойти с этим аршином к человеческой жизни. К какой-нибудь одной. Легче всего к своей. Вы же литератор. Вы не пробовали взглянуть на свою жизнь с этой точки зрения? Она ведь вся, согласно вашей, пусть и условной, теории, проходит между добром и злом, между Богом и дьяволом. Вот и взглянуть бы и разобраться — что в жизни было движением к свету, а что движением к тьме.

— Я думаю, это невозможно. На доске жизни мы очень плохие, можно сказать, даже бездарные шахматисты. Мы не только не видим игры вперед, но не понимаем смысла и последствий ходов, уже сделанных нами. В сущности, мы играем вслепую, связь явлений, связь причин и следствий нам практически недоступна. Как же я буду оценивать свою жизнь и свои поступки? Почему я знаю, к добру или ко злу приведет движение моей руки?

Я ударю человека, и его отвезут в больницу. Это — зло. Но если бы человек не оказался в больнице, он попал бы под грузовик и его убило бы насмерть, мое зло оборачивается добром. Но если бы человека не убило грузовиком, то от него родился бы сын, который сделался бандитом и зарезал бы четырех человек, в том числе беременную женщину. А ребенок, погибший в чреве зарезанной женщины, мог бы стать Моцартом или Блоком... Добро опять обернулось злом.

Вспомним старую детскую сказочку.

Мальчик собирается бежать по цветочной поляне, а некий голос ему говорит:

— Не бегай по этой поляне, ты погубишь родину, принесешь ей неисчислимые бедствия.

Мальчик не послушался, побежал. Землетрясения не случилось, гром не грянул, революции не произошло. Родина осталась цела.

угловые башенки, кресты на них. Ограда по всей своей окружности обсажена липами. Их посадил мой дед Алексей Дмитриевич. Из общей липовой купы высовываются два крестика — церковный и колокольный. Липы, ближайшие к нашему дому, если не в полной мере осеняют его, то есть нависают своими кронами над крышей, то почти осеняют. А на липах — колонии грачиных гнезд. Никак не могло случиться, чтобы в ту ночь не кричали грачи.

(Не потому ли я до сих пор засыпаю в своем доме, не обращая внимания на грачиный гам, тогда как мои друзья, приехавшие в гости, не могут уснуть, и мучаются, и проклинаят грачей, и даже удивляются, как это я до сих пор терплю, не посбрасываю грачиные гнезда на землю, не изведу горластых птиц каким-нибудь способом.)

Нервы у меня издерганы, изношены не меньше, чем у приезжих друзей. Я и сам не могу уснуть, если из крана в раковину капает вода или постукивает на ветру открытая форточка. Но оглушительного, надсадного крика грачей я как-то совсем не слышу. Я крепко сплю под кровлей того самого дома, где я возник из ничто однажды в теплую июньскую ночь.)

Колеблющаяся, не примкнувшая ни к темным, ни к светлым силам, не сумевшая выбрать, не знающая, чью сторону взять, душа летела сквозь мироздание, приговоренная к земной жизни, низвергнутая, брошенная высшей волей в зияющую темную пустоту.

Согласно условиям, она уже забыла все, что было до этого, и ничего не знает, что будет после. Она глуха, слепа и нема. Она — ничто. Она отключена от центральной воли и мчится только потому, что брошена, в силу заданности, инерции.

Не ясен вопрос: может ли она промахнуться мимо села, мимо дома, мимо крохотного комочка материи — нового жилища, уготованного ей на весь испытательный срок? Проманется, шлепнется где-нибудь в болото, в речной омут или в колодец, а потом скажут: ребенок умер во время родов.

Но время выверено до долей секунды, координаты заданы точные, и она летит.

Как они уживутся друг с другом — вечная душа и ее новое, временное жилище: кто кого

и тот, легко

бытия

с

Если даже он

<

Вообще-то в школе происходило оболванивание, замусоривание мозгов, а что же дома? Что же — религиозная мать, любящая и знающая наизусть Некрасова, Кольцова, Сурикова, что же сестра, привнесшая в меня А. К. Толстого, Пушкина и Лермонтова? Ну, сестра ладно. Она к этому времени жила уже в Москве, училась там на каких-то курсах РКК (Российский Красный Крест), то есть, попросту говоря, на медицинских курсах.

А мать... Родители, отчетливо понимая, что жить мне всю жизнь предстоит при новой власти, руководствуясь, очевидно, инстинктом самосохранения, полностью

самоустранились от моего, так сказать, социального воспитания, передоверив меня советской школе. Больше того, они всячески поощряли и дома школьное воспитание. Во всяком случае, когда, движимый почти религиозным по силе и яркости чувством, я дома начал устраивать «Ленинский уголок», приклеивая на стену множество фотографий Ленина, начиная с кудрявого мальчика, кончая гробом и Мавзолеем, никто из домашних уже не препятствовал мне, а то, что в это время за левым плечом потирали руки и злорадно хихикали, а за правым плечом печалились, если не плакали, то ведь этого не было ни слышно, ни видно...

Владимир Алексеевич Солоухин

СМЕХ ЗА ЛЕВЫМ ПЛЕЧОМ

Учредители: ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ «РОМАН-ГАЗЕТЫ»,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО ПЕЧАТИ,
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Редактор *С. Гладкова*

© Иллюстрации художника *Б. Косильникова*

Художественный редактор *А. Моисеев*

Технический редактор *Н. Кошелева*

Корректоры *Л. Волкова, М. Макарова*

© Фото *Н. Кочнева*

Сдано в набор 25.01.91. Подписано в печать 18.03.91. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага газетная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 6,3. Уч.-изд. л. 6,99.
Тираж 2 886 000 экз. (1-ый завод 1—2 386 000 экз.) Заказ 148. Цена 1 р. 10 к.

Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература».

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати. 142300, г. Чехов Московской обл.

Рукописи ранее не опубликованных произведений редакцией не принимаются и не рассматриваются.

Во всех случаях полиграфического брака просим бракованные экземпляры отсылать для замены в типографию, где печатался данный экземпляр.



Публикуем письмо читательницы Л. Губачевой из Челябинска:

«Уважаемая редакция! Никогда не писала вам писем, теперь решила написать. Мне 43 года, работаю фельдшером в детском саду двадцать пять лет. И все эти годы являюсь вашим подписчиком. Любовь и уважение к вашему журналу переняла от своей матери, которая его выписывает и по сей день. Я очень боялась новых цен, т. к. зарплата у меня 115 рублей. Пришлось отказаться от «Огонька», «Человека и закона», «Юности», но больше всего я боялась, что поднимутся цены и на «Роман-газету». Вы, наверное, не сможете представить мою радость, когда я узнала, что цена не изменилась. Огромное вам спасибо от всего сердца. С великим удовольствием я читаю «Роман-газету», храню все журналы за прошлые годы и многие перечитываю повторно. Низкий поклон вам от меня, сердечное спасибо за прекрасные, многосторонние и познавательные выпуски «Роман-газеты». Надеюсь, что я останусь вашим подписчиком на всю свою сознательную жизнь. Любовь к литературе я привила и своей дочери, она также не мыслит своей жизни без книг. Книги не всегда есть и не всегда могу купить из-за высоких цен, теперь у нас одно утешение: «Роман-газета». Хочется пожелать всему вашему коллективу творческих успехов, крепкого здоровья, семейного благополучия и не сдавать своих позиций! Еще раз огромное вам спасибо! С уважением Л. Губачева».

